

ВАЛЕНТИН СВИНИННИКОВ

ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ

(К 90-летию Владимира Осиповича Богомолова)

Краткое предуведомление читателям: эта статья написана в 1988 году для переиздания романа “Момент истины” в серии “Ратная слава” Центрально-Чернозёмного книжного издательства. Разрабатывая серию, мы (а я работал тогда в Госкомиздате РСФСР) предусматривали необходимым вступлением к каждой книге статью о самом авторе-фронтовике. И вдруг тревожный звонок из Воронежа: Богомолов категорически отказывается, чтобы о нём появилась статья. Что делать? Срывается план. “Ну, а чем я-то могу помочь?” — “Мы сказали, что есть критик, который занимается именно художественной документалистикой, а роман построен на документах. Он согласился хотя бы поговорить с Вами”. Так состоялось моё невольное знакомство с Владимиром Осиповичем. Убедил ли я его в том, что негоже подставлять работников издательства, или тронули в предложенном варианте статьи рассуждения о детях на войне, но статья увидела свет.

Впрочем, только в той книге. Он взял с меня обещание не публиковать её в прессе: “Мне никакой критики и рекламы не надо. Сейчас много разговоров о “секретарской литературе”. А я не то что не секретарь — даже и не член Союза писателей, но тиражи перевалили за 30 миллионов”. Он действительно не вступал ни в Союз писателей, ни в Союз кинематографистов (после блистательных-то экранизаций “Ивана” и “Зоси”). Не вступал из гордости: когда-то чиновники от литературы отказали ему после первой книги. “Вот напишешь ещё — и приходи”. Не пришёл... Помню его громогласный смех: “Вот ты критик-документалист, а тоже попался. А меня, когда печатал роман в “Юности”, пригласили “на беседу” сразу три генерала на Лубянке. Я уже догадывался: будут допытываться, кто “слил информацию” о подготовке знаменитой операции “Багратион” в Белоруссии. Но я только по документам архива узнал самое важное. Остальное — опыт личный, хотя у фронтовой разведки другие особенности”. Тогда и признался со смехом, что целых четыре месяца числился сыном полка. “А сыночка-то кормить надо, под восемьдесят килограммов вес и метр восемьдесят рост...”

В той памятной беседе “за рюмкой чая” уловил я и такую тонкость: почему писатели-фронтовики (правда, далеко не все) любят пересыпать разговор, как бы помягче выразиться, “ненормативной лексикой”. Ведь они же мальчишками были среди других воинов! И Владимир Богомолов, и Виктор Астафьев, и Михаил Анчаров, и Леонид Кокоулин. Наверное, и “дымить” приучались без особого желания, лишь бы взрослее казаться. И “фронтовые сто

грамм”, как Кузнечики из фильма “В бой идут одни старики”, нужны были только “из принципа”. Как же нам будет не хватать их, ветеранов той поистине Великой войны...

Вот и Владимир Осипович Богомолов, которому 3 июля исполнилось бы 90 лет, ушел из жизни в 2003 году, так и не дописав третьего романа... Вообще-то, по официальной его биографии, он родился в 1924 году, но я склонен верить, что два лишних года он себе приписал, чтобы скорее сразиться с врагом, как герои его книг...

Ничего менять в статье я не стал, хотя, перечитывая эпизод с разоблачённой шпионкой, так хотелось сравнить с нынешней “героиней Украины” Надеждой Савченко: те же презрение и ненависть. А в рассуждениях об ответственности и мужестве не выполнять приказы “ради галочки” встаёт передо мной образ маршала Николая Васильевича Огаркова, под началом которого довелось мне редактировать газету “Ветеран”. Он ведь, будучи начальником Генштаба, не боялся и на Политбюро отстаивать свою позицию – против ввода войск в Афганистан. Вот они – святые традиции фронтовиков...

А опубликовать ту давнюю статью теперь, думаю, всё-таки можно.

Настоящая литература – это всегда правда. Не правдоподобие вымысла – скажем, достоверность ситуаций, фактографическая точность в конкретных деталях, мастеровитость, даже изощренность в психологической нюансировке изображаемых характеров, – нет, всего этого еще мало для большой литературы. Ее отличаешь безошибочно лишь тогда, когда сердце твое пронзает острое ощущение правды, заставляющее тебя думать, обостряющее мысленный взор, поднимающее к высотам, откуда “видно во все концы света...”.

Это трудно объяснить – почему за конкретным, не Бог весть какой значимости фактом вдруг встает широкая панорама народной жизни, глубина народного подвига. Наверное, потому, что к обычному вроде бы жизненному материалу прикасается рука истинного художника, талантливого, честного и мужественного в своей верности правде до конца.

Вот в 1958 году появилась в печати повесть “Иван” (иногда её называют рассказом) никому в ту пору не известного прозаика Владимира Осиповича Богомолова и стало ясно: так о войне народной, Великой Отечественной, ещё нам не рассказывали. И дело не в том, что образом главного героя – мальчишки – словно бы подчёркивается именно всенародность участия в войне. К тому времени был уже и катаевский “Сын полка”, и “Улица младшего сына” Л. Кассила и М. Поляновского, и многие другие неплохие книжки. Всякие – от романтически приподнятых и почти безоблачных, чтобы не сильно смущать юные души призраками смерти, до трагических по своим финалам (большинство книг о реальных пионерах-героях). Но “Иван” – он словно бы особняком стоит. И не случайно вошёл и в 200-томную классическую “Библиотеку всемирной литературы”, и в 12-томную антологию лучших произведений о Великой Отечественной войне “Венок славы”, и послужил основой для потрясающего фильма “Иваново детство” кинорежиссёра Андрея Тарковского.

В чём секрет столь бесспорного успеха начинающего тогда автора? Правда. Полная правда, без приукрашивания или утайки, о том, что война безжалостна и бесчеловечна по самой природе своей.

В холодную осеннюю ночь 12-летний мальчишка переплыл Днепр. Переплыл с разведанными, настолько важными, что они должны быть немедленно доставлены в штаб армии. Переплыл... В рассчитанном на взрослых, здоровых мужчин наставлении было сказано: “...если же температура воды ниже +15°, то переправа вплавь даже для хорошего пловца исключительно трудна, а через широкие реки невозможна”. Это если ниже +15°, а если примерно +5°? Немыслимо! Но дальше – ещё более, казалось бы, невысказанное. Мальчишку снова переправляют через несколько дней на тот, “чужой”, берег. Здесь жестокая правда в том, что заменить его в столь трудном и опасном деле, как разведка в тылу врага, взрослые – в этом конкретном случае – не в состоянии. Вспомним трупы разведчиков, друзей Катасоныча, которых немцы, раздев донага, выставили на берегу Днепра, специально вытащив из глубины своей обороны.

Дети – воины... Какая жуткая правда! Какая возможность обвинить нас в негуманности, ведении войны “не по правилам”.

Но это, конечно же, и не вся ещё правда. А правда-истина в том, что такого Ивана в своём тылу и не удержат. Пробовали, когда вывезли самолётом из блокированного немцами партизанского отряда. Нет, не смог Иван “зубрить” в школе о “значении травоядных в жизни человека”, когда родную землю попирали тяжёлые сапоги человекоподобных... Тех, в бою с которыми погиб в первый же день войны отец-пограничник. Тех, кто прямо на руках у Ивана убил полуторогодовалую сестричку. Иван, мальчишка, ещё не разучившийся “играть в войну”, по-детски увлекающийся “финками” с красивыми рукоятками, уже прошёл ад фашистского лагеря смерти. Тяжело, повзрослому ненавидит он врага. И давно уже сознательно живёт по суровым законам настоящей, невыдуманной войны.

Жестокость и бесчеловечность войны... Она проступает в повести Богомолова неброскими точными штрихами будничной фронтовой жизни. Иван по-мальчишески обижается на своего друга Катасоныча за то, что тот не зашёл проститься с ним. А Катасоныч уже лежит на дне траншеи с аккуратной дыркой во лбу... Так же буднично сообщит рассказчик потом и о гибели Холина, подорвавшего себя противотанковой гранатой, когда прикрывал отход товарищей, и о последних часах жизни самого Ивана – бесстрастным языком случайно обнаруженных немецких документов.

Однако вряд ли бы повесть поднялась в ранг великих произведений о войне, если бы она была только о жестокости и бесчеловечности войны. Нет, главное в ней – правда о человеке на войне. Какие тонкие движения человеческой души чутко уловил В. Богомолов! Сердце у читателя обливается кровью именно потому, что и он вместе с Гальцевым, Холиным, Катасонычем воспринимает мальчишку как своего младшего братишку, если не сына. Слово бы и сам чувствуешь на лице эти холодные грязные брызги из-под сапог немцев – так близко проходит их боевое охранение. Вместе с Гальцевым и Холиным изживаешь эти страшные минуты неведения – как там Иван, прошёл ли он этот минированный овраг, сотни метров глубоко эшелонированной, густо нашпигованной войсками полосы обороны...

Скуп на слова автор, но мы зримо видим его героев. Вот среднего роста, с крупной, посаженной на плотное туловище головой, с изрытым оспинами, смуглым, мясистым лицом подполковник Грязнов, начальник разведотдела армии, который “воскликнул, не то удивляясь, не то обрадованно: “Ты жив, Гальцев?!” Что ему, казалось бы, несостоявшийся переводчик разведотдела – старший лейтенант, случайно встреченный на дорогах войны? Но – искренняя радость, что среди стольких смертей уцелел человек...

Всего несколько слов – а видишь статную красавицу с ярко-голубыми глазами, в растерянности прикладывающую руку... к марлевой косынке, стягивающей пышные волосы, военфельдшера с тихим, прерывистым голосом, которую и полюбить бы мог, и пожалеть рад, но “впереди форсирование Днепра и нелёгкие наступательные бои – в батальоне будут десятки раненых, и спасение их жизни во многом будет зависеть от этой девушки с погонями лейтенанта медслужбы”.

И понимаешь, что всё это видишь глазами совсем ещё молодого, чуть больше двадцати лет, человека, на которого взвален груз ответственности за целый батальон. Он ведь и сам ещё мальчишка, Гальцев, мальчишка, обрадовавшийся возможности сходить “на тот берег”...

Человек на войне. Это громадная тема, как нигде более в мире, глубоко разработанная именно советской литературой. В. Богомолов сразу же, с первой, как говорится, попытки, занял своё достойное место среди таких выдающихся художников, как Юрий Бондарев, Виктор Астафьев, Василь Быков, Евгений Носов... Он по праву среди тех, кто не понаслышке знает и глубоко правдиво передает так называемую “окопную правду”, правду самого того что ни на есть переднего края. Но, как и к ним, неприменимы к Богомолову критические упреки в “узости” взгляда, заземлённости правды о войне. Из окопа (как, скажем, и из деревенской избы) далеко видно, когда смотрит не какой-либо безликий “винтик” военной машины, а настоящая личность, живой, мыслящий, страдающий и бесстрашный человек, защищающий свою священную Родину.

Человек на войне... Одним из первых Богомолов ярко рассказал и о том, что в дыму, в огне сражений, в крови, рядом со смертью может расцвести и бессмертная любовь, потому что никогда бесчеловечности не победить Человека. Об этом – и маленький, в несколько страниц, его рассказ “Первая

любовь”, и поэтическая повесть “Зося” (1965). Всё тот же щемящий душу мотив – мальчишки, едва успевшие впервые поцеловать женщину (а то и не успевшие), вынуждены буднично и профессионально заниматься тягостным и необходимым трудом войны. И столько же – пусть на краткий миг – приоткрывается света в их душе! И режет сердце боль за тех, кто унёс этот свой свет в небытие. Какая терпкая горечь – сознавать, что каждый из более чем 20 миллионов, погибших на войне, – тоже личность, может быть, поэт в душе, как рассказчик из повести “Зося”, может быть, поэт по-крестьянски нескончаемой работы, как его друг Витька, Герой Советского Союза Виктор Степанович Байков, лежащий под каменным надгробием в Трептов-парке.

... А в 1974 году появился вдруг совершенно не похожий ни на что из напечатанного у нас к тому времени роман В. Богомолова “Момент истины (В августе сорок четвертого...)”. Роман не просто о человеке на войне, но – о цене отдельной человеческой жизни на войне. Цена эта, если можно так сказать, складывается из меры ответственности человека и его возможностей.

Не скажем, что тема нова для нашей литературы. Как много зависит от одного человека – главное содержание многих и, увы, далеко не всегда истинно художественных повествований о неуловимых и всемогущих разведчиках, “окопавшихся” в высоких вражеских штабах. Есть и примеры действительно художественной разработки этой темы. Назову лишь то, с чем лично столкнулся, отбирая произведения для шестого тома антологии “Венок славы”. Например, “Зелёный луч” Леонида Соболева, где внешне просто, но острее острого показана зависимость больших, огромных событий в рамках не какой-либо одной армии – нескольких фронтов! – зависимость от того, сумеют ли два моряка до конца выполнить свою боевую задачу... Или небольшая повесть Василия Быкова “Дожить до рассвета”...

Для меня, помню, это было как вспышка молнии – подтверждение давно бродившей в голове догадки, что не только мироздание, космос, солнце, например, влияют на всё живое – и на человека в том числе, но и, наоборот, любая живая песчинка, тем более человек, наделённый разумом и волей, влияют на мироздание. Другое дело, что степень их влияния различна. А применительно к войне... Вдруг пришло отчётливое понимание, что не бывает жертв напрасных, когда они сознательны, что вклад в приближение великой победы вносит каждый, кто выполняет свой долг до конца...

Впрочем, мы несколько отклонились от темы. Роман В. Богомолова “Момент истины” – не только о мере ответственности каждого человека на войне, но ещё и о его возможностях. Ведь если не справятся со своим делом Алёхин, Таманцев, Блинов, трое тех, “кто официально, в документах именовались “оперативно-розыскной группой Управления контрразведки фронта”, то на ликвидацию немецких агентов придётся бросать большие войсковые силы, те самые, которых ждёт фронт перед новым наступлением. Да и операция эта ещё не гарантирует успеха, не говоря уже о том, что может принести вред – косвенно подтверждая врагу, что на фронте действительно готовится нечто важное. “Момент истины”, на языке розыскников, – это не просто ликвидировать разведку врага, а, взяв с поличным, сломать врага психологически и заставить действовать на себя, на нашу победу. Три человека призваны сработать за несколько тысяч солдат.

Роман В. Богомолова – новаторский во многих отношениях.

Прежде всего, это едва ли не единственное крупное и, во всяком случае, одно из первых подлинно художественных произведений, где описывается работа розыскников советской военной контрразведки, подчинявшейся непосредственно Верховному Главнокомандующему, Наркому обороны И. В. Сталину. Это правда ещё об одной, пусть немногочисленной, но очень важной службе советских войск, службе своеобразной, требующей от человека не меньше личного мужества, чем на передовой, а умения делать свое дело – так, пожалуй, и намного больше.

Во-вторых, в романе Богомолова чуть ли не впервые в художественной военной прозе столь плотно и органично включён документальный материал, что “Момент истины” в этом смысле не имеет себе аналогов. Оговорюсь сразу, что он вовсе не “рассекречивает” какие-либо подлинные документы о действительно существовавших лицах. И если кто-то попытается с помощью писателя разыскать след потерявшегося на войне человека, носившего такую же фамилию, как у его героев, – Богомолов не сможет помочь: он создал роман,

а не документальную прозу, его герои, можно сказать, вымышлены. И в то же время точность его “документов” не вызывает ни малейшего сомнения. И это не парадокс, не игра словами. Он тщательнейшим образом изучил и мастерски использовал формы действительных документов Красной Армии, а к ним-то, к скрупулёзной точности их ведения отношение было самое строгое (Богомолов, работая в архивах и встречая какие-либо отклонения от уставного заполнения документов, не отказывал себе в удовольствии проследить, как такие “новации” воспринимались вышестоящим начальством — обычно незамедлительно следовало замечание, если не наказание).

Документ властно берёт слово уже с первых страниц романа, и далее рассказ действующих лиц всё более густо перемежается документами — самыми различными, но каждый из них несёт частицу истины, даже если уводит розыскников на боковые дорожки, ложные следы, отвлекает от основной нити поиска. Частицу истины — об огромном аналитическом труде, иссушающем мозг исследователя, требующем от него колоссального не только умственного, но и нервного напряжения, и всё сгущающем, насыщающем объём информации до предела, казалось бы, уже не подвластного разуму человека, — а ЭВМ тогда ещё не было. Частицу истины и о том, как живёт человек на войне. Мне не доводилось ещё встречать в военной прозе (хотя прочитаны сотни произведений, как и требовало того участие в составлении одного из томов антологии “Венок славы”) столь концентрированного изображения быта на войне. Для будущих историков роман Богомолова — неоценимый документ о том, чем питались на войне, какое обмундирование носили, чем вооружены были противники, как работали самые различные службы ближних тылов, как и чем жило население прифронтовой полосы. И всё это — в точнейших деталях. И строго документальных (так, в тексте встречаем в самые напряжённые моменты действия вкрапление вдруг прозаичнейших шифрограмм о нормах питания для тех, кто привлечён для выполнения важной контрразведывательной операции “Неман”, и выясняется, что они приравнены к нормам питания лётчиков, разумеется, не случайно, поскольку в романе отчётливо видно, каких колоссальных затрат энергии требует этот незаметный труд), и в тех деталях, которые подмечены зоркими глазами “чистильщиков” (так, немалую роль в обнаружении вражеских агентов сыграли элементарные целлофановые обертки, в которые упаковывались с немецкой аккуратностью стограммовые порции сала, выдаваемые диверсантам и агентам-парашютистам). А уж “чистильщикам” важна любая мелочь. Они обязаны обратить внимание и на “обыкновенную ромашку с недавно обломанной головкой, поникшей на стебельке сантиметрах в тридцати над землей”, и на брошенный в лесу надкушенный огурец (потом Алёхин установит даже сорт этого огурца и сколько дней назад он был сорван с грядки). Без этого не суметь сделать то, что удалось им: “В таком огромном глухом массиве силами всего лишь трёх человек обнаружить на вторые сутки место выхода рации в эфир — всё равно что углядеть иголку в стоге сена”.

Подобное кажется невероятным, как в рядовом детективе, где автор “играет в поддавки”. Но в романе Богомолова всё это убедительно и достоверно. Никакой мистики — только интуиция, наблюдательность, расчет и кропотливый, изнурительный труд...

Грешно поминать всеу великие имена, но мне не раз вспоминался Достоевский, когда я читал и перечитывал роман Богомолова. И не потому лишь, что много схожего в “методологии исследования”, в полифонии звучания романного текста. Да, и в романе Богомолова мы видим ход событий глазами то одного, то другого контрразведчика. При этом высвечиваются разные оттенки восприятия одних и тех же фактов и — черта за чертой — характер того, кто в данный момент размышляет, анализирует, рассказывает.

В такой полифонии, думается, просматриваются уроки Достоевского. Но чаще бросаются в глаза отличия: там, где у великого писателя прерывистые и многослойные диалоги или внутренние монологи, раскрывающие глубины психологии персонажей, у Богомолова — подчёркнутый аскетизм, скупость в слове, как бы подчёркнутое стремление уйти от психологических тонкостей. Им же, розыскникам, нельзя расслабиться, пожалеть кого-то, позволить себе “сантименты”. И — не позволить нельзя, иначе изменят собственной природе, гуманной природе советского человека. Глубоко скрытые внутренние конфликты с собой прорываются в романе не часто — и как много они говорят о личности каждого, например, старшего из трёх розыскников — Алёхина.

Богомоллов в первой же своей повести “Иван” и в повести “Зося”, проявившийся как художник, тонко чувствующий силу точно отобранной детали, остаётся верным себе и в романах. Бросит несколько кратких, но таких художественно ёмких мазков, что читатель уже и сам легко домысливает всё остальное. Вот сцена в сельсовете, затерявшемся в Шиловичском лесу. Председатель сельсовета Васюков – на костылях, судя по говору, как тут же определяет Алёхин, – не из этих мест. И точно, он смоленский, сюда заброшен партизанской судьбой и вот поставлен у власти. Алёхин профессионально выведывает у него необходимые для своей работы сведения, играя роль недалёкого армейского квартирьера. Перед самым уходом в груди тряпья на печи вдруг обнаруживается проснувшийся ребёнок примерно двух с половиной лет, беловолосый, в стираной-перестиранной рубашонке – сынишка Васюкова. Подкупающе улыбнулся малыш, осветились улыбками и лица взрослых. . . “И только тут Алёхин заметил, что у мальчика нет левой руки: из короткого рукава рубашонки выглядывала необычно маленькая багровая культя”. И – срывается железный Алёхин, допускает промахи, за которые сам же себя ругает: расспрашивает у Васюкова, как это случилось, где жена (“В город сбежала. С фершалом. . .”). И уж совсем не по правилам решительно берётся устраивать Васюкова в госпиталь, узнав, что у того три дня как открылась рана. Розыскник, участвующий в ответственной операции, он, конечно же, не имеет права отвлекаться и подвергать себя малейшей опасности разоблачения, невольной утечке информации. Но как человек. . . К его счастью, и Васюков – ответственный человек. Он не может оставить председательского поста – не на кого, да и бродят вокруг банды недобитков. И веришь, не можешь не верить его решимости – живым в случае чего не дастся. . .

Маленький эпизод, а как много сказано и об Алёхине, и о Васюкове, проходящем, что называется, персонаже, и о самом Богомоллове. Всплеснулась вдруг, высверкнулась его особенная боль на войне – дети, ни в чем не повинные, самые трагические из жертв войны.

Дети ещё не раз возникнут на страницах романа – в неожиданных и в то же время психологически глубоко обоснованных поворотах повествования.

Вот Таманцев ведёт наблюдение за Юлией, любовницей одного из разыскиваемых, Павловского. Казалось бы, он возненавидеть должен её, “немецкую подстилку”, а суровый фронтовик жалеет одинокую, молодую, сирую женщину, которой так трудно живётся, да ещё с крохотным ребёнком. И когда Таманцев с огромным риском для жизни “берёт” Павловского, увы, отнюдь не “тёплым”, и должен затем по закону конфисковать не только его вещи, но и продукты, выданные тому немцами, а он оставляет их Юлии, сделав в соответствующих документах оправдательную ссылку на то, что у неё – голодный ребёнок. . .

Другой розыскник, Алёхин, в разгар операции получает письмо из дому. В свойственной Богомоллову сдержанной манере сообщаются крайне тягостные для Алёхина вести: на опытной станции, где он работал до войны, “всё пришло в запустение. Тягла нет, рабочих рук тоже; заведует ныне пришедший с фронта по ранению бывший председатель Кичунского сельпо Кошелев, – Алёхин пытался, но не мог его припомнить, – агрономического образования он не имеет, дела совсем не знает и к тому же с горя или от бессилия пьёт”. Далее сообщалось, “что в конце апреля всю суперэлитную уникальную пшеницу, выведенную с такими трудами Алёхиным и его сотрудниками, плоды почти целого десятилетия упорной селекции, по ошибке или чьему-то нелепому распоряжению вывезли на элеватор, в хлебопоставку”. Можно себе представить состояние человека, у которого в прах рассыпались результаты чуть не всей его творческой жизни. Но дальше, так же скупое и бесстрастное, написаны известия пострашней: “. . . Лидаша, жена Алёхина, работавшая младшим научным сотрудником той же опытной станции, с самого начала не поладила с этим новым заведующим, и зимой он оставил её без дров, из-за чего Настенька, четырёхлетняя дочка Алёхиных, заболела ревматизмом и мучается ножками по сей день”. Сколь же неисчерпаемы силы человека! Даже и виду не подаст, ни словечком ни с кем не обмолвится по этому поводу розыскник, умеющий держать себя в руках. Но и в самый напряжённый момент “прокачивания” матёрого шпиона, когда счёт шёл на секунды и мозг выдавал лишь самое необходимое, вспыхивает в нём мысль о том, что “ревматизм лижет суставы и кусает сердце. . .”.

Ещё один штришок: когда генерал Егоров гневается на молодого розысника Андрея Блинова, “упустившего” подозреваемого, подполковник Поляков как бы между прочим сообщает, что это самый молодой офицер в отделе, прибыл после ранения и тяжёлой контузии, в прошлом – командир взвода, боевой офицер, москвич. Андрей и не догадывался, что всё это “сообщено в эту минуту генералу, потерявшему в боях под Москвой близнецов-сыновей, курсантов военного училища, не без умысла”. Дети, пусть и повзрослевших на войне... Андрей к концу операции многое поймёт, став за несколько дней старше будто бы на годы.

То, что эти воины, не раз глядевшие в глаза смерти, далеко ещё не изжили свою мальчишескую сущность, в романе акцентируется неоднократно, скупое, ненавязчивое, но акцентируется. Так, среди многих документов, цитируемых в романе, один резко выделяется своей “неказённостью” – Андрей Блинов пишет матери. Вполне “взрослое” письмо о том, как выглядит население освобождаемой Польши. А концовка, вернее приписка, выдает парня с головой: “Если цела коробочка с леденцами, о которых ты раньше писала, тоже пришли”... Следом – письмо его мамы, Екатерины Ивановны, полное тревожных материнских забот: “не мучают ли тебя головные боли, меньше ли теперь заикаешься, как пораненная нога?”, – напоминание о том, что “бабушка связала тебе длинные тёплые чулки специально на раненую ножку”. И вдруг... “Вчера встретила у Белорусского вокзала Машу Терехову, стояли с ней на площади и плакали. В вашем классе ещё две похоронные: под Севастополем погиб Серёжа Кузнецов, а в Белоруссии убили Милочку Панину... Это девятая по счёту смерть в вашем классе – бедные ребята, несчастные матери!”

Как умеет Богомолов сталкивать документы! Мы не видим ещё одного письма – от матери Андрея командиру части, где он служит. Автор приводит лишь короткий ответ генерала Егорова – и в каждой его строке так много сказано... “Я сочувствую Вашему горю и с пониманием отношусь к Вашей просьбе. К сожалению, в условиях Действующей армии создание Вашему сыну “щадящего режима для сохранения его жизни”, как Вы просите в своём письме, не всегда представляется возможным... Присланные Вами копии трёх извещений о гибели на фронте Вашего мужа, дочери и брата возвращаю...”

Генерал, у которого погибли двое его сыновей, отвечает матери, у которой осталась единственная надежда. И никаких комментариев не надо...

Этот же мотив – мальчишки, совсем ещё мальчишки при вполне взрослом мужестве и умении воевать – возникает и тогда, когда читатель узнает, что Таманцеву снится мать, которой уже нет в живых, снится в то утро, когда ему исполняется 25 лет. Слышится тот же мотив и тогда, когда мы поближе знакомимся с помощником коменданта города Аникушиным, нечаянным участником завершающего этапа операции “Неман”, бывшим студентом консерватории с редкостным голосом, насмерть стоявшим потом с остатками своей роты на пути немцев к Сталинграду. Юноша, который стремится на своё решающее свидание с возможной невестой прийти в новёхоньком, специально сшитом костюме. Как тщательно пытается он уберечь сияющую чистоту этого костюма в совершенно неподходящих для этого условиях... Как легко поддается он гипнозу абсолютно “чистых” документов своих, как он считал, товарищей-фронтовиков и как презирает розыскников, “окопавшихся” в тылу”, ломтями уминающих белый хлеб, который в госпитале доставался только раненым... И как трагически и нелепо он гибнет...

На войне ко всему привыкают люди. Словно о чём-то будничном, проходном, сообщает писатель ещё об одной трагедии. Старичок-портной, ослепивший Аникушину новым костюмом, когда тот попросил его ещё и купить букет цветов, невесело сказал, что он тоже однажды покупал цветы.

– Только один раз? – удивился капитан.

– Так, – подтвердил старик.

Он пояснил, что это было сорок лет тому назад, в девятьсот четвертом году, цветы он покупал будущей жене и, вздохнув, сообщил, что её убили немцы здесь, в Лиде, и детей его убили, и внуков тоже... Зачем он уцелел?”

А привыкают ли? Сострадание, человечность – без этого немислимы наши советские воины. И на этом тоже строил свои расчёты враг. В памяти Алёхина, например, сохранился случай в Смоленске, где довольно успешно действовала шпионка, изображавшая мать, сошедшую с ума от горя. Изображавшая так, что даже доктор не заметил подвоха. Опытный “чистильщик” Таманцев,

увидев её впервые, отдал ей свой пайковый сахар и “чуть не прослезился”. Но когда “она попалась ему на глаза в четвёртый или пятый раз, он уловил, что, проходя мимо теплушек с людьми и зовя, как и всегда, сына, она время от времени поглядывала на платформы с техникой, словно считала”. Потом Алёхин видел её на следствии: абсолютно осмысленный, холодный взгляд, поджатые губы, гордая осанка, во всём облике – презрение и ненависть.

“Женщина, помешавшаяся после гибели на фронте двух сыновей”, – это была отличная оригинальная маска с использованием и эксплуатацией великого, присущего всем нормальным людям чувства – любви к матери.

“Ивашёва” действовала на узловых станциях в наших оперативных тылах ровно четыре недели. Страшно даже подумать, сколькими жизнями заплатила армия за этот месяц её шпионской деятельности. . .”

Да, розысникам, при всей гуманности тех, о ком с таким уважением и пониманием рассказывает Богомолов, поневоле приходилось быть подозрительными, было для того множество оснований – и читатель видит это в десятках различных эпизодов.

И им приходилось то и дело “наступать на горло собственной песне”, собственным представлением о человечности. Вот допрашивает Алёхин некую пани Гролинскую, на квартире которой останавливались подозреваемые офицеры. Перед ним – “мать, терзаемая тревогой за жизнь единственного сына. Польша, мучимая мыслями о гибели соотечественников.

Так случается нередко. Сталкиваешься с чужой жизнью, с чужими страданиями, хочется как-то утешить, подбодрить и – совесть требует – оставить человека в покое. А ты вынужден тут же его потрошить, добывать необходимую тебе информацию. Проклятое занятие – хуже не придумаешь”. Но ведь это необходимо для дела. . .

Ответственность за жизни тех, кто сражается на передовой или перебрасывается туда для грядущего наступления. Ответственность перед Родиной. . . Это – ведущая тема романа. Она – правда, не в таких возвышенных тонах – то и дело всплывает в разговорах розысников – от младших офицеров до генералов. “Это наш хлеб, только наш”, – не раз говорил новичку Андрею Блинову Алёхин. “Таманцев же Андрею как-то сказал: “Никогда не рассчитывай на прикомандированных. Даже если это оперативный состав. Надейся только на себя”.

И это не просто этакая шапкозакидательская самонадеянность. Это – высочайшее чувство ответственности специально подготовленных людей, осознанных меру своих возможностей.

Яростно сопротивляется генерал Егоров проведению войсковой операции. Сопротивляется, потому что ему важно решить боевую задачу, а не создать видимость активности и побыстрее доложить “наверх” о принятых мерах. Войсковая операция чаще даёт “трупы”, а не “момент истины”. И это понятно: как ни инструктируй, всё равно не подготовленные к такой тонкой работе люди, “прикомандированные”, могут невольно испортить дело. В романе это убедительно показано в случае с Павловским. Ведь “слепил” его Таманцев и взял бы “тёпленьким”, то есть живым, но. . . выскакивают из засады прикомандированные оперативники, забыв обо всём, что им наказывали. Поздно понял и Аникушин, что напрасно он отмахивался, когда его тщательнейшим образом инструктировал Алёхин. Ну, а уж Егорову ли не знать, чем кончается прямое вмешательство малокомпетентных, но высокопоставленных лиц. . .

Вдруг понимаешь отчётливо, что от розысников требовалось и особое мужество – не подчиняться нелепым приказам, отлично сознавая, от кого они исходят и чем это может кончиться для них лично. Многого стоит такой, например, наказ Егорову начальника Главного управления контрразведки: “Раньше меня, очевидно, прибудет начальство. . . первые заместители из обоих наркоматов. Обеспечьте их всем необходимым. Но времени с ними не теряйте, а делайте спокойно своё дело! И никаких споров, никаких пререканий! Что бы нам ни говорили – “Да, товарищ комиссар!”, “Хорошо, товарищ комиссар!..” Однако любые действия, с которыми не согласны вы или Поляков, категорически запрещаются!.. Чьим бы именем ни оказывалось на вас давление!..”

А драматизм положения, стремительно возрастающий к финалу романа, заключается ещё и в том, что операция “Неман” взята на контроль Ставкой Верховного Главнокомандования, лично Сталиным. . .

Да, мужество требовалось немалое не только от Алёхина, Таманцева, Блинова, но и от их руководителей – Полякова, Егорова. . .

Полемически заострённо сказано о работе розыскников в рассуждениях Таманцева: “Контрразведка – это не загадочные красотики, рестораны, джаз и всезнающие фраера, как показывают в фильмах и романах. Военная контрразведка – это огромная тяжёлая работа... четвёртый год по пятнадцать – восемнадцать часов каждые сутки – от передовой и на всём протяжении оперативных тылов... Огромная солёная работа и кровь... Только за последние месяцы погибли десятки отличных чистильщиков, а вот в ресторане я за всю войну ни разу не был”.

Правда о войне... Писатель Владимир Осипович Богомолов знает её так, как немногим довелось узнать. Великую Отечественную он прошёл почти “от звонка до звонка”, начав в ноябре 1941 года на Калининском фронте, затем воевал на Северо-Западном – под Старой Руссой, изведал на Северном Кавказе тяжкие дороги отступления в сорок втором и победный, не менее трудный обратный путь на запад, через Тамань, города и сёла Украины, Белоруссии, Польши, Германии. Завершил войну северо-западнее Берлина.

Завершил? Но впереди была Маньчжурия. А ещё – уже в мирных условиях – служба на Чукотке и Камчатке, даже на самом дальнем клочке советской земли – острове Ратманова. И снова – ГДР...

А выпало всё это на долю совсем ещё молодого человека – в ноябре сорок первого ему шел шестнадцатый год. И до своего первого офицерского звания испытал он почти все ступеньки солдатские, начиная с рядового красноармейца (почти – потому что звание младшего лейтенанта ему присвоили, минуя звание старшины). Впрочем, была ещё одна ступенька: много позже, из архивных документов, узнал, что четыре месяца он числился воспитанником в первой своей части, “сыном полка”. Но с первого же дня выполнял в полном объёме обязанности рядового. Мальчишка? Могло ли такое быть? Но “мальчишка” физически не уступал взрослым, сильным мужчинам. Один только рост – метр восемьдесят – чего стоил...

Большая сила воли, природная сметливость да, наверное, дерзость юности определили и главную воинскую специальность Богомолова – войсковая разведка.

Любопытно, что писатель Владимир Васильевич Карпов, сам фронтовой разведчик, прочтя “Ивана”, безошибочно угадал эту особенность богомоловской биографии, прислав тогда тёплое дружеское письмо. Зато миллионы тех, кто читает роман “Момент истины”, искренне убеждены, что так написать о розысниках мог лишь испытывший всё это на себе человек.

Разведка и воспитала главное в Богомолове – огромную самодисциплину, уважение к неброскому кропотливому труду, скрупулезной точности.

За каждой строкой его романа – многочасовой труд в архивах Министерства обороны, вживание в психологию людей уникальной военной профессии, тщательнейшее изучение особенностей их своеобразной работы, а также обязательная “привязка” повествования именно к той местности, где развёртывается действие. Владимиру Богомолову мало, что всюду в тех местах, о которых рассказывается, он бывал сам. Проверка и перепроверка того, что живет и горит в памяти, – обязательны для него. Проверка до тончайших мелочей.

Характерно, что при экспертно-консультационном чтении рукописи романа четырнадцатую (!) специалистами (например, в области пеленгации, криптографии и т. п.) они не смогли вчинить автору ни одного замечания по вопросам их разнообразной компетенции.

Четырнадцать лет длилась работа над романом “Момент истины”. Вот уже двадцать лет В. Богомолов пишет новый роман. И тоже – о войне. Писатель не торопится выносить своё детище на суд читателей. Он должен быть сам до конца уверен, что на месте каждое слово, каждая запятая или точка. Зато и менять потом ничего не позволяет самым придирчивым редакторам... Задуман и во многом уже сложился ещё один, третий, роман. Его главы даже печатались уже в журнале. Однако сейчас тот, третий, роман отложен. Богомолов решил все силы сосредоточить на одном из двух незавершённых романов, поскольку это должен быть, по его глубокому убеждению, новый шаг в исследовании человека на войне – глубже и основательнее, шире, масштабнее, чем в “Моменте истины”, иначе, мол, не следовало и браться...

Перечитывая “Момент истины”, понимаешь, сколь сложную задачу он перед собой поставил, и с тем большим нетерпением ждёшь появления нового романа Владимира Богомолова – писателя, уже сумевшего сказать о войне своё неповторимое слово, мужественное и правдивое.